

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-21-29

ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТЬ В МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Шустова С. В.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация

Целью работы является рассмотрение средств языковой актуализации толерантности и агрессии в миграционном дискурсе на примере концепта ХИДЖАБ.

Процедура и методы. С использованием контекстуального метода, свободного ассоциативного эксперимента реализован анализ концепта ХИДЖАБ.

Результаты. Основные результаты проведённого исследования подтверждают необходимость изучения концептуального поля МИГРАЦИЯ в аспекте выявления актуальных для мигрантов концептов, атрибутов, символов, выполняющих роль маркеров агрессии, с одной стороны, и толерантности, с другой.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что автору удалось продемонстрировать не только лингвоконфликтотенные языковые средства репрезентации концепта ХИДЖАБ, но и лингвотолерантные, способствующие популяризации поликультурализма.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграционный дискурс, немецкий язык, русский язык, свободный ассоциативный эксперимент, хиджаб, мигранты

LINGUISTIC TOLERANCE AND LINGUISTIC CONFLICTOGENICITY IN MIGRATION DISCOURSE

S. Shustova

*Perm State National Research University
15 ulitsa Bukireva, Perm 614068, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the means of linguistic actualization of tolerance and aggression in migration discourse using the example of the concept of HIJAB.

Methodology. Using the contextual method, a free associative experiment, the analysis of the HIJAB concept is realized.

Results. The main results of the study confirm the need to study the conceptual field of MIGRATION in the aspect of identifying concepts, attributes, symbols that are relevant for migrants, which play the role of markers of aggression, on the one hand, and tolerance, on the other.

Research implications. The author was able to demonstrate not only linguistic conflictogenic means of representing the concept of HIJAB, but also linguo-tolerant ones that contribute to the popularization of polyculturalism.

Keywords: migration linguistics, migration discourse, German, Russian, free associative experiment, hijab, migrants

Введение

Исследования в области дискурс-анализа и дискурсивных практик демонстрируют широту подходов (социолингвистический, прагмалингвистический, тематический) и многообразии аспектов, разрабатываемых лингвистами (см., напр., [1; 8; 15]). В этом процессе важная роль отводится конструированию системы знаний и значений, отношений в социуме, выявлению толерантного или агрессивного отношения (см. речевая агрессия: [13]), например, к мигрантам, в целом тенденций развития общества в условиях глобализации и активных миграционных процессов [2; 7; 9; 11; 16]. Наиболее абстрактное понимание дискурса связано с использованием языка как общественной практики. Миграционный дискурс представляет современную социальную дискурсивную практику, идеологический конструкт, способствующий формированию лингвотолерантного или лингвоконфликтного отношения общества к процессам в области миграции населения [3; 8; 12; 14], и является предметом изучения в миграционной лингвистике [17; 18].

Предметная сфера МИГРАЦИЯ представляет актуальный материал для изучения лингвистических и нелингвистических аспектов, актуализирующихся на фоне возрастающих миграционных потоков, глобализационных и антиглобализационных процессов [4; 5; 6; 17; 19].

В предлагаемой статье мы рассматриваем такой элемент одежды, как «хиджаб», который является маркером принадлежности к другой конфессии, другому этносу, в целом к мигрантам. Хиджаб (араб. бук. «преграда, завеса») – накидка, скрывающая тело или лицо, которую мусульманки надевают при выходе на улицу; вид мусульманской одежды; накидка, покрывающая всё тело; атрибут мусульманской этики. В разных странах и регионах есть свои варианты хиджаба, закрывающие лицо и тело в разной сте-

пени: никаб, бурка, абайя, химар, чадра, паранджа.

Основное содержание исследования

В русском и немецком миграционном медиадискурсе отмечается высокая степень речевой агрессии по отношению к хиджабу, что эксплицируется в лексике: *попросить снять, заставлять носить, заставлять снять, не разрешать, преследовать (за хиджаб), обязывать носить, deskriminieren, verbieten, Verbot, aggressiv: В местной школе девочку попросили снять хиджаб на время уроков (Leipzig Corpora¹); Мои собственные дочери, которые хиджаб носят, из-за этого не смогли учиться в Турции (Leipzig Corpora); Die ist etwas aggressiv und egoistisch, bedeckt sich vollständig mit einem Hijab (Leipzig Corpora). На форуме русских немцев идёт оживлённая дискуссия о хиджабах: ... не хотите работать, то совет, одень платок-хиджаб и никто тебя не возьмет на работу (Германия по-русски²); ... молятся на паузе и не смущаются, а мусульманки ходят в хиджабах, в т. ч. тимляйтерша (Германия по-русски); Пока командуют они, а не вы. Готовьтесь одевать хиджаб и соблюдать рамадан (Германия по-русски); ... бок о бок с криминальными персонажами в заматанной в хиджаб Германии???* (Германия по-русски).

Отдельного обсуждения заслуживают дискуссии вокруг никаба – головного убора, полностью скрывающего лицо женщины. Этот наряд вызывает бурные дебаты в принимающем обществе.

... платочницы-никабницы куда ни плюнь – так мы их в никабах-то ущемим (Германия по-русски).

– Где купить в Штутгартe Никаб и Чадру?

¹ Deutscher Wortschatz. Leipzig Corpora Collection [Электронный ресурс]. URL: <https://wortschatz.uni-leipzig.de/de> (дата обращения: 03.05.2021). Здесь и далее в тексте – Leipzig Corpora.

² Германия по-русски [Электронный ресурс]. URL: <http://Foren.germany.ru> (дата обращения: 03.06.2021). Здесь и далее в тексте – Германия по-русски.

– Вы еще про балалайку забыли спросить и домашних животных медведей.

– Да, я смотрю толерантность не наш конёк (Германия по-русски).

Für viele Muslime haben die Burka oder der Hijab in der Tat nichts zu tun mit dem Islam (Leipzig Corpora).

Es gibt zu viele unterschiedliche Interpretationen, als dass man pauschal sagen könnte, der Hijab sei ein Symbol der Unterdrückung oder der Freiheit (Leipzig Corpora).

Анализ языкового материала

Хиджаб становится предметом обсуждения в разных аспектах:

– как средство демонстрации принадлежности к исламу: *Auslöser waren zwei Fälle in Wien, in denen Mädchen mit Hijab zum Unterricht erschienen waren* (Leipzig Corpora);

– как средство, с помощью которого можно открыто не демонстрировать своего отрицательного отношения к происходящим событиям в принимающей стране: *Die ist etwas aggressiv und egoistisch, bedeckt sich vollständig mit einem Hijab, sodass nur ihre Nase zu sehen ist, und macht sich genüsslich über sämtliche Missstände in unserer Gesellschaft* (Leipzig Corpora);

– как элемент современной моды: *При этом каждая из четырех моделей Сары имеет в своем гардеробе неизменный белый хиджаб; Frauen, die Hijab tragen, sind immer noch eine Ausnahme in der Modewelt; Auf ihrem Instagram-Kanal erklärte Aden, warum sie künftig nicht mehr für Modenschauen zur Verfügung stehen wolle: "Sie könnten mich morgen anrufen, doch ich würde meinen Hijab nicht für zehn Millionen Dollar verraten"; Dabei folgen die beiden Studenten nicht nur dem Leitsatz "Be the Boss you want to be", sondern setzen mit der Kombination aus Hijab und einem Hosenanzug von Hugo Boss auch ein Zeichen für Diversität; Halima Aden war eines von drei Models, die den Laufsteg mit einem Hijab betreten* (Leipzig Corpora);

– как элемент полицейской формы: *Die neuseeländische Polizei wagt mit einer Reform einen wichtigen Schritt: Muslimische*

Polizistinnen können von nun an ihren Hijab als Teil der Uniform tragen (Leipzig Corpora);

– как элемент одежды, фиксирующий принадлежность к этносу, конфессии: *Потому что хиджаб – это обязательный атрибут их веры, а веру нельзя разрешить или запретить сомнительными поправками к закону; Und wie war das für Sie als emanzipierte Frau aus dem Westen, ein Kopftuch, einen Hijab zu tragen; Später durften Frauen nur noch mit Hijab für staatliche Institutionen arbeiten und letztlich wurde der Tschador für alle Mädchen und Frauen ab neun Jahren verpflichtet eingeführt; Sie war nicht nur die erste Abgeordnete, die im Unterhaus einen Hijab trug, sondern auch die erste eingebürgerte Afrikanerin und eine der beiden ersten muslimischen Frauen, die im US-Parlament saßen; Was sagt sie über Zeine Nasser, Boxerin im Hijab?; Christen tragen ein Kreuz, Muslims den Hijab...* (Leipzig Corpora);

– как источник опасности: *Во всяком случае в глазах москвичей и жителей других крупных городов хиджаб уже прочно ассоциируется с поясом шахиды; Online kursiert ein von Oktoberrevolution Sujet, auf dem zu sehen ist, wie eine Frau mit Hijab einen Molotov-Cocktail in Richtung Sicherheitskräfte wirft* (Leipzig Corpora);

– как средство популяризации этого элемента одежды среди детей: *Seit Mattel 2015 die Barbie Fashionistas auf den Markt brachte, ist die Linie auf mehr als 170 "diverse" Modelle angewachsen, 2017 führte man beispielsweise die erste Barbie mit Hijab ein* (Leipzig Corpora);

– как средство популяризации поликультуризма: *Tommy Hilfiger bringt einen Hijab auf den Markt und will damit für interkulturelle Verständigung werben* (Leipzig Corpora);

– как политическое средство: *США защищают право на хиджаб как проявление свободы вероисповедания; Существовало, чтобы право выбирать оставалось у всех – и тех, кто носит хиджаб, и тех, кто его не носит* (Leipzig Corpora);

– как средство выражения угрозы: *На севере страны три девочки угрожали*

совершить самоубийство, если им не разрешат носить хиджаб в школе (Leipzig Corpora);

– как препятствие при устройстве на работу: *Полиция больше не преследует женщин за хиджаб, хотя закрытые женщины все еще испытывают трудности при трудоустройстве и при найме жилья* (Leipzig Corpora);

– как причина введения запретительных мер: *В школах Ингушетии хиджаб носить не будут. Глава Республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров не собирается разрешать в школах девочкам носить хиджаб; Девочкам предложили два варианта или снять хиджаб, или перейти на домашнее образование* (Leipzig Corpora);

– как причина проявления агрессии: *С нее попытались сорвать хиджаб, хотели даже побить* (Leipzig Corpora);

– как средство недопуска к получению образования: *За и против: В вузах Таджикистана перед студентками поставлен выбор – либо учеба в университете, либо хиджаб; Директору школы пришлось принести извинения за попытку запрета на хиджаб; В статье прямо сказано – или хорошее школьное образование или хиджаб; В Чите мусульманки отказались ходить в школу из-за запрета на хиджаб* (Leipzig Corpora).

В целях выявления особенностей языковой репрезентации концепта ХИДЖАБ в сознании носителей русского языка был реализован свободный ассоциативный эксперимент. Свободный ассоциативный эксперимент предполагает отсутствие каких-либо ограничений для испытуемых; на слово-стимул отвечают словом-реакцией. Испытуемыми выступили 25 человек от 18 до 55 лет, имеющие среднее и высшее образование, получающие высшее образование (студенты), проживающие в городах России (Пермь, Москва, Новосибирск, Ижевск, Астрахань, Екатеринбург и др.). Информантам было предложено привести ассоциации на слово-стимул *хиджаб*. Таким образом мы пытались актуализировать концептуальное поле «Хиджаб» и

его языковые репрезентации в наивном сознании носителей русского языка, другими словами – фрагмент образа мира, отражающего неосознаваемые носителями языка представления. Анализ смыслов, стоящих за определённым словом, позволяет выявить социально обусловленные, общие и различные компоненты в когнитивной базе коммуниканта как представителя социокультурной общности. В эксперименте принимали участие и женщины, и мужчины, но гендерная специфика не учитывалась, так как это не входит в задачи данного исследования.

Ассоциативный эксперимент давно признан надёжным способом изучения содержания языкового сознания носителя языка. Придерживаясь антропоцентрического подхода, мы считаем значение слова динамичным, подвижным образованием, модификации которого зависят от многих факторов. У слова всегда есть свойства разной соотносённости: значение живого слова опосредованно системой общекультурных представлений, принятых в том или ином обществе, также – личностной системой и системой языка. Смысловое поле представляет собой «неразрывное единство значений и смыслов, процессов и результатов когнитивно-дискурсивной деятельности индивидов и социума: одно не существует без другого, что обеспечивает динамический континуальный характер значения слова» [10, с. 26]. От каждого информанта, носителя русского языка, были получены от 2 до 20 реакций, общее количество ассоциаций составило 246.

В результате анализа были выделены следующие семантические модули:

1. Семантический модуль «КОНФЕССИЯ»: ислам (9); религия (8); мусульмане (4); мусульманка (3); мусульманство (3); Аллах (1); женщина-мусульманка (1); исламская мода (1); мусульманки (1); мусульманская этика (1); правоверная (1); религиозные ограничения (1).

2. Семантический модуль «ЧЕЛОВЕК»:

2.1. Семантический микромодуль «ЖЕНЩИНА»: женщина (8); мусульманка (3); девушка (2); восточная женщина (1); женщина в восточном мире и её права (1); мусульманки (1); мусульманская женщина (1); насилие над женщиной (1); права женщин (1); пояс смертницы (1); шийтка (1).

2.2. Семантический микромодуль «ЭТНОС»: арабы (6); арабская культура (1); арабский макияж (1); арабский парфюм (1); какой-то араб (1).

2.3. Семантический микромодуль «ДЕТИ»: дети (1); много детей (1).

3. Семантический модуль «СОСТОЯНИЕ / ДЕЙСТВИЕ»: угнетение (2); борьба за права этнического меньшинства (1); выход на улицу (1); выделяться в толпе (1); закрыто (1); их становится всё больше вокруг (1); можно не укладывать волосы (1); настороженность (1); неудобство в ношении платка (1); носить хиджаб (1); надеть хиджаб (1); обман (1); обязанность (1); обязанность или добровольное желание носить? (1); ограничение (1); отстранение (1); подчинение (1); привлекает внимание (1); прикрытие (1); скрывание (1); споры о ношении хиджаба (1); ограничение свободы (1); тепловой удар (1); скрывать лицо (1); сокрытие (1); спрятать (1); спрятать волосы (1); требование (1).

4. Семантический модуль «ГОЛОВНОЙ УБОР»: платок (12); головной убор (3); паранджа (3); накидка (3); накидка на голову мусульманской женщины (1); чёрный хиджаб (1); традиционный убор (1).

5. Семантический модуль «СТОРОНЫ СВЕТА»: Восток (9); восточная женщина (1); восточная женская одежда (1); восточная красота (1); восточные обычаи (1); женщина в восточном мире (1).

6. Семантический модуль «СВОЙСТВО»: скромность (3); скрытность (2); целомудрие (2); вызывающий интерес (1); мрачный (1); строгие правила (1); условность (1).

7. Семантический модуль «ТЕРРОРИЗМ»: терроризм (3); теракт (2); взрыв (1); ИГИЛ¹ (1); насилие (1); шахид (1); шийтка (1).

8. Семантический модуль «ТРАДИЦИЯ»: традиция (4); восточные обычаи (1); обычай (1); строгие правила (1); традиционный хиджаб (1); традиционный убор (1).

9. Семантический модуль «ЗАПРЕТ / ОГРАНИЧЕНИЯ»: запрет (6); запрет на ношение хиджаба (1); ограничение (1).

10. Семантический модуль «ЦВЕТ»: чёрный (6); чёрные глаза (1); хиджабы различного цвета (1).

11. Семантический модуль «ВНЕШНОСТЬ»: арабский макияж (1); восточная красота (1); выразительные глаза (1); красивые глаза (1); красота (1); черные глаза (1).

12. Семантический модуль «КУЛЬТУРА»: чужая культура (2); арабская культура (1); культура (1); мусульманская этика (1); элемент Средневековья в современной культуре (1).

13. Семантический модуль «ЧУЖОЙ»: чужая культура (2); другой (1); иностранец (1); чуждый (1).

14. Семантический модуль «ОЩУЩЕНИЕ»: жарко (4).

15. Семантический модуль «ВОЙНА»: взрыв (1); война (1); насилие (1); оружие (1).

16. Семантический модуль «УБЕЖДЁННОСТЬ»: вера (3); верующая женщина (1).

17. Семантический модуль «ОДЕЖДА»: восточная женская одежда (1); наряд (1); одежда (1); пояс смертницы (1).

18. Семантический модуль «СТРАНА»: Афганистан (1); Ирак (1); мусульманская страна (1).

19. Семантический модуль «СТАТУС»: беженец (1); иммигрант (1); мигранты (1).

20. Семантический модуль «ИСКУССТВО / ЛИТЕРАТУРА»: Гульчатай, покажи личико (1); «Волшебная лампа Алладина» (1); Сказки Шахерезады (1).

21. Семантический модуль «ОПАСНОСТЬ»: опасность (3).

22. Семантический модуль «СВЯЩЕННАЯ КНИГА»: Коран (2).

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

23. Семантический модуль «ПРАВО»: женщина в восточном мире и её права (1); права женщин (1).

24. Семантический модуль «ТКАНЬ»: ткань (1); покрывало (1).

25. Семантический модуль «ГОРОД»: город (1); Мекка (1).

26. Семантический модуль «ГОЛОВА»: лицо (1); покрытая голова (1).

27. Семантический модуль «СИМВОЛ»: символ веры (1); хиджаб как символ (1).

28. Семантический модуль «ПРИРОДНАЯ ЗОНА»: оазис (1); пустыня (1).

29. Семантический модуль «МИГРАЦИЯ»: миграция (1).

30. Семантический модуль «ОТНОШЕНИЕ»: строгость (1).

31. Семантический модуль «ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ»: патриархат (1).

32. Семантический модуль «СТОРОННИКИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ»: басмачи (1).

33. Семантический модуль «РАЗНОВИДНОСТЬ»: разновидность хиджаба (1).

34. Семантический модуль «СВОБОДА»: ограничение свободы (1).

35. Семантический модуль «МОЛИТВЕННОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ СООРУЖЕНИЕ»: мечеть (1).

36. Семантический модуль «КОСМЕТИКА»: арабский парфюм (1).

37. Семантический модуль «КОНДИТЕРСКИЕ ИЗДЕЛИЯ»: сладости (1).

38. Семантический модуль «ЖИВОТНЫЕ»: верблюды (1).

39. Семантический модуль «ГОРНАЯ ПОРОДА»: песок (1).

40. Семантический модуль «ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ»: консерватизм (1).

41. Семантический модуль «КСЕНОФОБИЯ»: ксенофобия (1).

42. Семантический модуль «ИМЯ»: имя (1).

43. Семантический модуль «МОДА»: исламская мода (1).

44. Семантический модуль «ИНФОРМАЦИЯ»: секрет (1).

45. Семантический модуль «АГРЕССИЯ»: насилие над женщиной (1).

К ядру ассоциативно-вербального поля концепта ХИДЖАБ относятся реакции, представленные семантическими модулями «КОНФЕССИЯ» (34 реакции), «ЧЕЛОВЕК» (33 реакции), «СОСТОЯНИЕ / ДЕЙСТВИЕ» (29 реакций); к зоне ближней периферии относятся реакции, представленные семантическими модулями «ГОЛОВНОЙ УБОР» (24 реакции), «ЖЕНЩИНА» (21 реакция); зона дальней периферии формируется реакциями, представленными в количестве от 5 до 11; зона крайней периферии представлена от 1 до 4 реакций. Во внимание принимались слова, словосочетания, предложения. Парадигматические ассоциации представлены многочисленными номинациями: угнетение, платок, ограничение, мусульманство, религия, ислам, женщина, запрет, скромность и др. Синтагматические ассоциации актуализируются адъективными формами: восточная красота, арабская культура, религиозные ограничения, строгие правила и др.; глагольными формами: выделяться в толпе, скрывать лицо, спрятать волосы и др.; предложениями: их становится всё больше вокруг и др. В результате анализа выделены ассоциации-оценки: 1) положительные ассоциации-оценки (32,8%): арабская культура, арабский парфюм, восточная красота, скромность, выразительные глаза, красивые глаза, оазис, сладости и др.; 2) отрицательные ассоциации-оценки (67,2%): угнетение, неудобство, обман, ограничение, подчинение, пояс смертницы, шиитки, мрачный, взрыв, чуждый, оружие, опасность и др. Общее количество ассоциаций-оценок составляет 19%, эти реакции носят эмоциональный характер, у части информантов присутствует эмоционально-окрашенное отношение к хиджабу. Доминируют отрицательные реакции, связанные с опасностью: пояс смертницы, шиитка, оружие, взрыв и др.

Обращаем внимание на тот факт, что, несмотря на доминирование отрицательных ассоциаций-оценок, выделяется только четыре (из 45 модулей) семантических модуля «ОПАСНОСТЬ», «ВОЙНА», «АГРЕССИЯ», «ТЕРРОРИЗМ», актуализирующих лингвоконфликтность.

Основные результаты и выводы исследования

Дискурсивная практика выражения негативного отношения к участникам миграционного процесса опосредована через актуализацию предмета одежды. Дискурсивная практика выражения недовольства относительно символов ис-

лама актуализирует наличие или отсутствие предрасположенности мигрантов вести себя как члены социума титульной нации и «выстраивает» социальную реальность (термин О. С. Иссерс), речевое поведение представителей социума и их восприятие атрибутов культуры.

Дискурсивная практика актуализации негативного отношения к миграции, мигрантам представляет собой феномен социальной жизни и предполагает модификации этой актуализации от агрессии до заинтересованности и положительного восприятия.

Статья поступила в редакцию 15.07.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
2. Водак Р. Взаимосвязь «дискурс-общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Политическая лингвистика. 2006. № 19. С. 107–116.
3. Желтухина М. Р. Миграционная медиалингвистика: конфликт vs. кооперация в межкультурной коммуникации // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография / С. В. Шустова, М. Р. Желтухина, М. В. Дружинина и др.; науч. ред. А. М. Амадов. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. С. 6–21.
4. Зубарева Е. О. Концепт «Мигрант» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики: сетевой научный журнал. 2018. Т. 4. № 4. URL: <http://rllinguistics.ru/journal/annotation/1549/> (дата обращения: 03.06.2021). DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-4.
5. Зубарева Е. О. Номинативное поле концепта «Мигрант» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 420–422.
6. Зубарева Е. О. Языковая репрезентация концепта МИГРАЦИЯ // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика: монография / С. В. Шустова, Е. О. Зубарева, Н. В. Хорошева и др.; науч. ред. О. А. Радченко. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 65–112.
7. Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени; 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015. 272 с.
8. Йоргансен М. В., Филлипс Л. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 350 с.
9. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Перемена, 2000. 520 с.
10. Курганова Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 24–37.
11. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского университета, 1995. 232 с.
12. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 272 с.
13. Радченко О. А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1 (3). С. 60–66.
14. Собянина В. А., Хохлова И. В. Языковая репрезентация миграции в немецких СМИ: монография. М.: Московский государственный педагогический университет, 2018. 167 с.

15. Шустова С. В., Зубарева Е. О., Хорошева Н. В. «Дети-мигранты» как социальные агенты миграционного дискурса // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика: монография / С. В. Шустова, Е. О. Зубарева, Н. В. Хорошева и др.; науч. ред. О. А. Радченко. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 5–35.
16. Hartmann P., Husband C. Racism and the Mass Media: a study of the role of the mass media in the formation of white beliefs and attitudes in Britain. London: Davis-Poynter, 1974. 279 p.
17. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. Wien: LiT Verlag, 2018. 658 S.
18. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. 173 S.
19. Stehl Th. Sprache und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen. Kommunikative Aspekte // Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik / Hrsg. T. Stehl, N. Franz, R. Kuhn. Potsdam: Universitäts Verlag, 2011. S. 39–55.

REFERENCES

1. Van Dijk T. A. *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2013. 344 p.
2. Vodak R. [Discourse-Society Relationship: A Cognitive Approach to Critical Discourse Analysis]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2006, no. 19, pp. 107–116.
3. Zheltukhina M. R. [Migration media linguistics: conflict vs. cooperation in intercultural communication]. In: Shustova S. V., Zheltukhina M. R., Druzhinina M. V., et al. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki* [Migration linguistics in the modern scientific paradigm: mediation practices]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2019, pp. 6–21.
4. Zubareva E. O. [Concept “migrant” in migration discourse (on the material of a free associative experiment)]. In: *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki: setevoi nauchnyi zhurnal* [Research Results. Theoretical and Applied Linguistics], 2018, vol. 4, no. 4. Available at: <http://rllinguistics.ru/journal/annotation/1549> (accessed: 03.06.2021). DOI: 10.18413 / 2313-8912-2018-4-4-0-4.
5. Zubareva E. O. [Nominative field of the concept “Migrant”]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2018, no. 4 (71), pp. 420–422.
6. Zubareva E. O. [Linguistic representation of the concept MIGRATION]. In: Shustova S. V., Zubareva E. O., Khorosheva N. V. et al. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika* [Migration linguistics in the modern scientific paradigm: discursive practices, translation, didactics]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2020, pp. 65–112.
7. Issers O. S. *Diskursivnye praktiki nashogo vremeni* [Discursive practices of our time]. Moscow, LENAND Publ., 2015. 272 p.
8. Jorgensen M. V., Phillips L. *Diskurs-analiz: Teoriya i metod* [Discourse analysis as theory and method]. Kharkiv, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2008. 350 p.
9. Karasik V. I. *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. 520 p.
10. Kurganova N. I. [Associative experiment as a method of studying the living word meaning]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2019, no. 3 (41), pp. 24–37.
11. Lassan E. *Diskurs vlasti i inakomyслиya v SSSR: kognitivno-ritoricheskii analiz* [Discourse of Power and Dissent in the USSR: Cognitive-Rhetorical Analysis]. Vilnius, Vilnius University Publ., 1995. 232 p.
12. Malakhov V. S. *Integratsiya migrantov: kontseptsii i praktiki* [Integration of migrants: concepts and practices]. Moscow, Fond «Liberal'naya Missiya» Publ., 2015. 272 p.
13. Radchenko O. A. [Studies on the aggressive discourse: problems and trends]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoje obrazovanie* [Vestnik of Moscow City University. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2009, no. 1 (3), pp. 60–66.
14. Sobyantina V. A., Khokhlova I. V. *Yazykovaya reprezentatsiya migratsii v nemetskikh SMI* [Linguistic Representation of Migration in German Media]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2018. 167 p.

15. Shustova S. V., Zubareva E. O., Khorosheva N. V. ["Migrant children" as social agents of migration discourse]. In: Shustova S. V., Zubareva E. O., Khorosheva N. V. et al. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika* [Migration linguistics in the modern scientific paradigm: discursive practices, translation, didactics]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2020, pp. 5–35.
16. Hartmann P., Husband C. Racism and the Mass Media: a study of the role of the mass media in the formation of white beliefs and attitudes in Britain. London, Davis-Poynter, 1974. 279 p.
17. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien. Austria, Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. Wien, LiT Verlag, 2018. 658 S.
18. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2004. 173 S.
19. Stehl Th. Sprache und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen. Kommunikative Aspekte. In: T. Stehl, N. Franz, R. Kunow. Hrsg. *Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik*. Potsdam, Universitäts Verlag, 2011, S. 39–55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шустова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета;

e-mail: lanaschust@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Shustova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Linguistics and Translation, Perm State National Research University;

e-mail: lanaschust@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шустова С. В. Лингвотолерантность и лингвоконфликтогенность в миграционном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 4. С. 21–29.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-21-29

FOR CITATION

Shustova S. V. Linguistic tolerance and linguistic conflictogenicity in migration discourse. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 4, pp. 21–29.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-21-29